

К ОСНОВАНИЯМ ЖАНРА

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются формирующие жанр основания, такие как культурологическое, социологическое, коммуникативно-прагматическое и когнитивное. Подчеркивается, что адекватное объяснение природы жанра достижимо лишь через гармонизацию всех факторов, формирующих его. В статье высказывается мысль о том, что внутреннее устройство жанра конгруэнтно внутреннему устройству языковой личности. Проводятся параллели между вербализованным и невербализованным (когнитивным, коммуникативным) содержанием жанра и вербально-семантическим уровнем, уровнем тезауруса и мотивационным уровнем языковой личности.

Ключевые слова: культурный алгоритм, социальная конвенция, коммуникативная интенция, прототип, вербализованное содержание, невербализованное содержание.

Abstract. The present paper is centred round the bases underlying the genre: cultural, social, interactive and cognitive. The emphasis is laid on the idea that the adequate explication of the genre nature is achievable only in harmonizing all the factors forming it. The paper maintains the view that the inner structure of the genre is congruent with that of the linguistic personality. Parallels are drawn between verbalized and non-verbalized (i.e. cognitive, communicative) content of the genre and a verbal-semantic level, a level of thesaurus and a level of motivation constituting the content of the linguistic personality.

Keywords: cultural algorithym, social convention, communicative purport, prototype, verbal content, non-content

Для адекватного объяснения сущности жанра необходимо изначально отказаться от какой-бы то ни было одномерности и упрощенности в интерпретации его природы. В жанре можно выделить ряд оснований, а именно: культурологическое, социологическое, коммуникативно-прагматическое и когнитивное, каждое из которых вносит свой вклад в формирование его как целого.

Целесообразно начать с культурологического осмысления жанра. Одна из культурологических концепций – технологическая (деятельностная) – предполагает, что культура предстает как исторически изменяющаяся и исторически конкретная совокупность тех приемов, процедур, норм, которые характеризуют уровень и направленность человеческой деятельности, всей деятельности, взятой во всех ее измерениях и отношениях [1, с. 90]. При таком видении сущности культуры на первый план выходит такая черта, как воспроизведение деятельности. Подобная деятельность находит выражение в соответствующих понятиях: «схема», «алгоритм», «код», «матрица», «канон», «эталон», «парадигма», «стереотип», «норма», «традиция» (с.ф. «жанр»). Все перечисленные понятия из различных областей знаний несут неоднозначную смысловую нагрузку, но объединяет их момент устойчивости в изменяющем-

ся содержанию деятельности. Эта алгоритмичность, несомненно, присуща культуре. В ней выражена, хотя и мягкая, но все же алгоритмизированность культурных явлений. Культура побуждает к действию «по правилу», по более или менее четко очерченным линиям [1, с. 92].

С этой точки зрения жанр, вне всякого сомнения, продукт культуры, не говоря уже о том, что сам язык как таковой принадлежит культуре. Пройдя этапы развития от становления письма к становлению печатной литературы и далее к становлению массовой коммуникации, он (язык) характеризуется все большей обработанностью, полифункциональностью, стилистической дифференциацией и тенденцией к регламентации. Как историческое наследие пришли к нам жанровые конвенции, формировавшиеся сложной исторической практикой в сфере создания и обращения текстов («generic convention... shaped and reshaped by the complex history of production and circulation of texts») [2, p. 203].

Согласно культурологической трактовке Е. Я. Бурлиной жанр рассматривается как некая «социально-содержательная система, конструктивно оформленный инвариант модели мира» [3, с. 46]. Культурологический подход к жанру выдвигает на первый план конвенциональный момент, т.е. наличие устойчивости, наличие общепринятого правила, образца модели той культурной нормы, которая «является элементом, клеткой своеобразной культурной ткани» [4, с. 51].

Жанры как часть культурной деятельности – это эталоны, матрицы, которые накладываются на действительность, через которые воспринимается мир и внутри которых организуется язык. Жанры вместе с тем обеспечивают ориентацию в культурном пространстве, в частности в мире текстов («textual product range»), т.к. каждый жанр несет сигнал об обращении к определенным потребностям и вкусам адресата («signal an appeal to different audience tastes and wishes»), помогая ему прогнозировать свой опыт («predict and plan kind of experience») [2, p. 205].

С другой стороны, подразумеваемое в жанре «действие по правилу» позволяет вовлекать его в процесс управления и контроля культурными рынками («controlling... and directing culture markets»). В зависимости от успешности продаж рынок отбирает «формулы», в которые можно уверенно инвестировать. Взгляд на жанр как на рыночную категорию представляет собой, по утверждению его противников, преступный сговор, ведущий к пагубной стандартизации продуктов культуры, низводящей жанр до предсказуемых форм дифференциации («By trading on what has been successful, formulae can be adopted which can be invested in with confidence bringing about a detrimental standardization of cultural products into predictable forms of differentiation») [2, p. 205].

Социологическое основание указывает на общественное употребление языка, на связь жанра с социальной практикой людей. Жанры вызваны к жизни различными функциями/целями языкового общения в различных сферах человеческой деятельности, в обществе. «Богатство и разнообразие речевых жанров, – утверждает М. М. Бахтин, – необходимо, потому что неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности и потому что в каждой сфере деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся по мере развития и усложнения данной сферы» [2, p. 249–250].

Жанры – это социальные конструкторы согласно концепции австралийской жанровой школы («genre school»), опирающейся на системно-функциональную теорию языка М. Хэллидея, центральная мысль которой состоит в том, что язык – это ресурс, к которому обращаются люди для создания значений («for the construction and negotiation of meaning»). Люди, принадлежащие любому социокультурному сообществу, вырабатывают особым образом организованные способы («characteristically patterned ways») использования языка, предназначенные для осуществления разнообразных функций, которые у них есть как у членов социума. Эти особые образцы есть социальные конструкторы, вызванные к жизни постоянными и текущими потребностями людей организовывать, контролировать, а следовательно, делать свой мир осмысленным («the constant and ongoing need of people to organise, control and hence make sense of their world») [5, p. 29].

Многие исследователи также подчеркивают, что жанры, о какой бы сфере их бытования ни шла речь, представляют собой во многом результат социального соглашения, их идентификация опирается не на точные определения или анализ формальных признаков, а на социальную конвенцию. «Определенные фильмы – «вестерны» просто потому, что люди согласились (не обращаясь к их формальному анализу), что это вестерны. Если не принять эту точку зрения в качестве отправной, тогда подрывается само понятие жанра» [2, p. 202–203].

Одновременно жанры квалифицируются как «социальные, рабочие категории», которые, находясь в прямой зависимости от практики людей, подвержены, как и все остальное в социуме, непрерывным изменениям («Genres are continually being redefined as social, working categories by actual practice») [2, p. 203].

Следующее важное основание – не в порядке значимости, а порядке их рассмотрения – интерактивное т.е. *коммуникативно-прагматическое*. Названные аспекты настолько взаимосвязаны, что представляется правомерным говорить о них одновременно. О коммуникации принято говорить в технических науках; в узком техническом смысле коммуникация – это связь. В строительстве используют коммуникации – системы жизнеобеспечения, основанные на каналах связи. Радиосвязь, телефонная связь, всемирная «паутина» (Интернет) – это необходимые средства информационного обеспечения. Коммуникация важна не сама по себе, а как *средство* передачи информации, со временем под словом «коммуникация» стали понимать и сам *процесс* передачи информации (произошел метонимический перенос имени). В этом своем последнем понимании слово широко используется в лингвистике как адекватное слову «общение» – взаимодействие партнеров в процессе обмена мыслями (и чувствами) для решения жизненно важных задач. Заметим, однако, что, по мнению некоторых лингвистов, общение шире и содержательнее коммуникации [6, с. 201–202], по мнению других, понятие «коммуникация» шире понятия «общение» [7, с. 4].

Общение (коммуникация) может быть вербальным и невербальным, т.е. может происходить с использованием различных кодов: языкового, жестового, мимического и т.д. Поскольку орудием вербальной коммуникации служит язык (знаковая, семиотическая), то здесь неизбежно возникает сопряжение коммуникации и прагматики. Прагматика в семиотической модели Ч. Морриса трактуется как отношение знака к интерпретатору в отличие от отношения знака к предмету (семантика) и к другим знакам (синтактика) [4, с. 43].

Прагматика изучает поведение знаков в реальных процессах коммуникации, прагматический подход к коммуникации предполагает учет того значимого компонента языковых единиц (знаков), который связан с человеком, использующим и делающим свой выбор для достижения поставленных целей при ориентации в ситуации в целом, включая адресата.

Жанр служит средством ориентации в многообразии коммуникативных смыслов и коммуникативных интенций, формирующих в совокупности коммуникативную сеть, в нем запечатлеваются условия сферы общения, коммуникативных ситуаций и исполняемых общающимися ролей.

Отношения между коммуникантами, задаваемые условиями и целями коммуникации с учетом фоновых и текущих знаний, национальных стереотипов, «образуют, – полагает Ю. Н. Караулов, – свою сеть (сеть коммуникаций в обществе), достаточно устойчивую и традиционную, и проследить ее в полном объеме представляется исключительно сложной задачей... Тем не менее, не возникает сомнения, что и сферы, и ситуации, и роли поддаются типизации и исчислению» [8, с. 54].

Ясно, что жанры связаны со стереотипизацией множества коммуникативных ситуаций, жанры выкристаллизовались естественным образом в процессе коллективного коммуникативного опыта говорящих как особые мета-единицы коммуникации, в которых интенциональный замысел говорящего/пишущего может реализовываться наиболее оптимально и эффективно. По-видимому, именно это имел в виду М. М. Бахтин, говоря о том, что «даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам. Эти речевые жанры даны нам так же, как нам дан родной язык» [9, с. 257]. Именно работы М. М. Бахтина, в которых была постулирована идея необходимости создания аппарата жанрово-типологической оценки речевого общения, инициировали жанровый подход к исследованию вербальной коммуникации.

Жанры реализуются в дискурсе, более того, жанровое измерение последнего составляет одну из его важнейших характеристик. Современная лингвистика, переключившая внимание с того, как устроен язык, на то, как он функционирует, ввела в научный лингвистический аппарат понятие дискурса, понятие, по словам Е. С. Кубряковой, явно выходящее за пределы лингвистики *stricto sensu*: дискурс есть «высшая реальность языка (еще совсем недавно в качестве такой реальности рассматривали текст)» [10, с. 5].

Н. Д. Арутюнова определяет дискурс как «язык, погруженный в жизнь» [11, с. 136–137], имея в виду использование языка в специальных целях и в полной связи подобного использования с условиями и конкретными факторами акта коммуникации, наблюдаемого on-line, т.е. в его текущем моменте. Дискурс является центральным моментом человеческой жизни в языке: «Всякий акт употребления языка... представляет собой частицу непрерывно движущегося потока человеческого опыта. В этом своем качестве он вбирает в себя и отражает в себе уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан» [12, с. 10]. То или иное стечение обстоятельств вызывает к жизни тот или иной жанр, в параметрах последнего фиксируются коммуникативные переменные коммуникативно-прагматического контекста дискурса.

Когнитивное основание жанра связывается с изучением способов организации в сознании человека языковых и неязыковых знаний, необходимых

для успешной коммуникации. При когнитивном подходе к объекту изучения центральным становится понятие *знания*, которое трактуется как связующий элемент между индивидом и обществом. Сложнейшая совокупность знаний, в том числе знаний о жанре, служит фундаментом речевой деятельности.

Эти знания возникают в результате мыслительной переработки опыта, причем путь от сенсомоторных ощущений до формирования их ментальных презентаций – это сложный конструктивный процесс: «...сенсомоторные данные при входе трансформируются, редуцируются, обогащаются, откладываются для хранения и используются» [13, р. 3]. Внутренний, ментальный мир, который, как указывает Норманн А. Андерсон [14, с. 4], развился для выживания человека во внешнем мире, принципиально отличается от того, что мы обнаруживаем во внешнем мире. Процесс интериоризации (превращения материального в идеальное, внешнего во внутреннее) ни в коем случае не должен механически сводиться к зеркальному отражению внешнего мира во внутреннем плане сознания; «...при вращивании, т.е. переходе функции внутрь, происходит сложнейшая трансформация всей ее структуры» [15, с. 89].

Способ, с помощью которого опыт репрезентируется в сознании, описывается когнитивными психологами как «процесс генерирования инвариантов» [16, р. 33], которые, с одной стороны, экономят усилия человека при восприятии сложной информации, а с другой – фиксируют и сохраняют в его сознании типовые фрагменты реального мира, типовые действия.

Фреймы и прототипы, т.е. инварианты, по утверждению А. Н. Баранова и А. Н. Добровольского, представляя собой один из способов экономии усилий, «сводят любую уникальную ситуацию к стандарту, в котором воплощен весь предшествующий опыт человека» [17, с. 16].

Соотнесение жанров с их когнитивными аналогами или структурами – важное для лингвиста средство или способ объяснения их сущностных характеристик, например, почему, несмотря на множественность их языкового варьирования, они, тем не менее, распознаются адресатом. На когнитивном уровне жанры представлены в виде концептов – «оперативных содержательных единиц памяти, ментального лексикона, концептуальной системы, языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [18, с. 90]. Предполагается, что часть концептуальной информации может иметь языковую «привязку», другая часть репрезентируется принципиально иным способом – ментальными схемами, образами и т.д.

Вокруг концепта, сводящего разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому, строится категория, причем естественная (т.е. связанная с процессом классификации в том виде, в каком он происходит в повседневной человеческой жизни) категория, которая в отличие от научной и логической объединяет члены с неполностью повторяющимися признаками. «Один из таких членов может обладать привилегированным положением, являя собой лучший образец своего класса, т.е. наиболее полно отвечая представлению о сути объединения и о его прототипе, вокруг которого группируются остальные члены категории» [18, с. 46].

В процессе коммуникации между мыслью и словом оказывается, по словам Е. С. Кубряковой, «еще одна область речемыслительных процессов, связанных как с классификацией опыта человека, с категорией этого опыта и разнесением его по собственным классам, так и, что особенно для нас важно, с отнесением задуманного сообщения к определенному типу текста, в котором обычно в данном социуме дается описание данного фрагмента опыта...

Когнитивная структура коррелируется с речевой. Предполагается, что в акте создания речевого высказывания человек мысленно подводит сообщаемое под известный стереотип, осмысляя его как просьбу или запрос информации, как рассказ или инструкции и т.п.» [19, с. 14].

Все указанные выше основания – культурологическое, социологическое, коммуникативно-прагматическое, когнитивное – исключительно важны для понимания и объяснения сущности жанра, более того, величиной, объединяющей и связующей их, выступает человек. Антропоцентрическая лингвистика, пришедшая на смену системоцентрической, исходит из положения, что изучение языка невозможно без модуса его существования: «язык не существует вне человека» [20, с. 147]; «...в своем главном стволе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке» [21, с. 15].

Выдвигая на первый план человеческий фактор, антропоцентрическая линия в лингвистике фокусирует его в понятии «языковая личность» (ЯЛ), под которой понимается совокупность способностей и характеристик человека, позволяющих ему осуществить сугубо человеческую деятельность – говорить, общаться, создавать устные и письменные речевые произведения, отвечающие целям и условиям коммуникации, извлекать информацию из текста, воспринимать речь. При этом подчеркивается, что «человек обладает родовой способностью быть языковой личностью, но каждый индивид еще должен стать ею» [22, с. 2]. Развивая эту мысль, К. Ф. Седов утверждает, что «в ходе своего социального становления языковая личность «врастает» в систему жанровых норм. В свою очередь эта система «врастает» в сознание говорящего индивида по мере его социализации, определяя уровень его коммуникативной компетенции, влияя на характер его дискурсивного мышления» [23, с. 189–200].

Нельзя не увидеть конгруэнтности внутреннего устройства жанра внутреннему устройству языковой личности, т.е. не увидеть в жанре проекции языковой личности (с.ф. «за каждым текстом стоит языковая личность» [9, с. 27]).

Определяя языковую личность как «совокупность характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [24, с. 3], Ю. Н. Караулов разрабатывает с учетом трех названных признаков модель трехуровневой организации языковой личности.

В предлагаемой им модели ЯЛ язык, которым владеет человек, воссоединяется с его внутренним миром (психологический аспект модели) и с объективной картиной мира (философский аспект модели). Выделяются три уровня ЯЛ: нулевой, вербально-семантический, уровень, в психологическом плане соотносящийся с семантическим уровнем, в философском – с языком; первый, тезаурусный, уровень, психологическая параллель которого – когнитивный уровень, философская – интеллект (как сфера духа); второй (последний), мотивационный, уровень, который, соответственно, коррелирует с прагматическим уровнем в психологическом аспекте и действительностью в философском.

Лексикон (вербально-грамматический уровень), включающий фонд лексических и грамматических средств, используемых личностью при порождении ею достаточно представительного массива текстов, организован по сетевому принципу и представляет собой ассоциативно-семантическую сеть. Тезаурус охватывает свойственную языковой личности картину мира. Прагма-

тикон включает в себя коммуникативно-деятельностные потребности личности, движущие ею мотивы, установки, цели, резюмирующиеся в наборе, связанном с конкретными речевыми актами интенциональностей. Последний уровень также представляет собой коммуникативную сеть. Прагматикон составляет глубинный слой в организации языковой личности, тогда как поверхностный принадлежит лексикону.

Все три уровня находятся в состоянии взаимопроникновения, взаимопересечения. Схематически это выглядит следующим образом. Большой круг, представляющий собой ассоциативно-семантическую сеть, частично перекрывает другой большой круг, представляющий собой коммуникативную сеть. По оси пересечения первого и второго кругов накладывается третий – тезаурус. Центральное, общее для всех трех кругов пространство, отсеченное двумя вертикальными линиями, составляет вербализованную часть; то, что осталось вне поля, очерченного двумя параллельными линиями, – невербализованную часть [26, с. 93]. В невербализованную часть коммуникативной сети, например, войдут типовые ситуации общения и неосознаваемые средними носителями коммуникативные роли личности.

Структура жанра во многом повторяет структуру ЯЛ. Это проявляется в том, что в обеих наличествуют вербализованная и невербализованная части, а также иерархия трех уровней, существующих не изолированно, а в тесной связи друг с другом: ситуативно-коммуникативные ограничения определенного жанра (коррелируют с коммуникативной сетью ЯЛ, единицы и отношения которой задаются условиями сферы общения, особенностями коммуникативных ситуаций и исполняемых общающимися ролей) «тянут» за собой лингвистические ограничения, т.е. предписывают определенные принципы отбора и расположения языкового материала, определенное стилистическое качество, соответствующее условиям и целям общения (коррелируют с вербальной сетью ЯЛ). В жанре ЯЛ реализуется во всей своей структурной полноте, совокупность реализаций ЯЛ в разных жанрах формирует ее жанровую компетентность.

Список литературы

1. **Давидович, В. Е.** Онтология культуры / В. Е. Давидович // Культурология / под науч. ред. доктора философ. наук, проф. Г. В. Дроге. – Ростов н/Д, 1995. – С. 71–99.
2. **Montgomery, M.** Ways of Reading / M. Montgomery, A. Durant, N. Fabb. – L. ; N.Y. : Routledge, 2000. – 369 p.
3. **Бурлина, Е. Я.** Культура и жанр. Методологические проблемы жанрообразования и жанрового синтеза / Е. Я. Бурлина. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 165 с.
4. **Моррис, Ч. Ч.** Основание теории знаков / Ч. Ч. Моррис // Семиотика. – М., 1983. – С. 37–89.
5. **McCarthy, M.** Language as Discourse. Perspective for Language Teaching / M. McCarthy, R. Carter. – L. ; N.Y. : Longman, 1995. – 230 p.
6. **Федорова, Л. Л.** К построению теории речевой коммуникации / Л. Л. Федорова // Методы современной коммуникации / под ред. В. Н. Перевезева. – М., 2003. – Вып. 1. – С. 201–207.
7. **Формановская, Н. И.** Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М. : Рус. яз., 2002. – 216 с.

8. **Караулов, Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.
9. **Бахтин, М. М.** Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979. – С. 237–279.
10. **Кубрякова, Е. С.** О типах дискурсивной деятельности / Е. С. Кубрякова // Вестник МГЛУ. – 2003. – Вып. 478 : Лексика в разных типах дискурса. – С. 5–10.
11. **Арутюнова, Н. Д.** Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
12. **Гаспаров, Б. М.** Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Нов. лит. обозрение, 1996. – 352 с.
13. **Reed, S. K.** Cognition. Theory and Application / S. K. Reed. – Pacific Grove, 1996.
14. **Кубрякова, Е. С.** Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Известия АН. – 2004. – Т. 63. – № 3. – С. 3–12. – (Серия лит. и языка).
15. **Залевская, А. А.** Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – М. : Российский гос. гуманитар. ун-т, 1999. – 382 с.
16. **Richards, J.** The Control of Perception and the Construction of Reality / J. Richards, E. von Glaserfeld // Dialectica. – № 33. – 1979. – P. 37–58.
17. **Баранов, А. Н.** Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Известия РАН. – 1997. – Т. 56. – № 1. – С. 11–21. – (Серия лит. и языка).
18. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац [и др.]. – М., 1996. – 245 с.
19. **Кубрякова, Е. С.** Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1991. – С. 5–21.
20. **Звегинцев, В. А.** Мысли о лингвистике / В. А. Звегинцев. – М. : МГУ, 1996. – 336 с.
21. **Степанов, Ю. С.** Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований : вступительная статья // Общая лингвистика. – М., 1974. – С. 5–16.
22. **Богин, Г. И.** Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. ... доктора филол. наук / Г. И. Богин. – М., 1984. – 31 с.
23. **Седов, К. Ф.** Жанры общения в речевом онтогенезе / К. Ф. Седов // Ребенок как партнер в диалоге. – СПб. : Союз, 2001. – С. 189–200.
24. **Караулов, Ю. Н.** Русская языковая личность и задачи ее изучения : предисловие / Ю. Н. Караулов // Язык и личность / под ред. Д. Шмелева. – М. : Наука, 1989. – С. 3–8.

Тырыгина Валентина Алексеевна

доктор филологических наук, профессор,
кафедра романо-германской филологии,
Волжский университет
им. В. Н. Татищева (г. Тольятти)

Tirigina Valentina Alexeevna

Doctor of philological sciences, professor,
sub-department of Roman and German
philology, Volga University named
after V. N. Tatishchev (Tolyatty)

E-mail: Galex@tltsu.ru, tygalex@yandex.ru

УДК 811.11-12

Тырыгина, В. А.

К основаниям жанра / В. А. Тырыгина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 3 (11). – С. 66–73.